

Илья Будницкий

Будницкий Илья Евсеевич родился в 1960 году в городе Среднеуральске Свердловской области, окончил Уральский политехнический институт по специальности «теплоэнергетик». Стихи пишет с 17 лет. Издал более 10 книг. Сотрудничает с издательством «Водолей» в проекте «Паралипоменон» («Пропущенные страницы Серебряного века»). В рамках этого проекта издано более 50 книг поэтов Серебряного века, в том числе Сергея Петрова, Веры Меркурьевой, Марка Тарловского и многих других.

Ты скажешь мне — так женщина лукава,
И корни трав касаются земли,
Как будто между нами переправа,
И лодка догнивает на мели,

Где лотоса цветение ночное,
Желания тяжёлый аромат,
Где, только что рассорившись с женою,
Враз обессилев, Лот провёл обряд

Призыва бога — всё вернуть обратно,
И женщину, и ночь, и тишину,
Когда любовь расцветчивает пятна,
И корни трав прикованы ко дну.

Нет ничего желаннее — ты рядом,
Трепещущим огнём, лукавым взглядом.

Для странствия предлоги не нужны, —
Как лист из прохудившейся мошны,
Уходит царь и воскресает старец,
Так ветер осыпает колоски,
Так берега расходятся, близки,
И зарастает русло подле стариц.

Как будто жил — и вышел наобум,
И позади остался белый шум,
И нити оборвались, облетели,
Как струны на гитаре, по одной, —
Что уходящий чувствует спиной,
Когда идёт по блёклой акварели?

Там сумрак выцвел и оцепенел,
Там сердце оказалось не у дел,
И боль его — уже почти чужая,
А впереди ничто и никогда,
И чудится Полярная звезда,
И падаешь, как с горочки съезжая,

Где ты невидим или невредим,
Где дым костра — не более чем дым,
Где никого, с кем здравствовать хотелось,
Где странствие — невыросший побег,
Ещё чуть-чуть и выпадает снег,
И ты любовь прости за неумелость.

Кружево на месте монолита, —
То ли постаралась аква вита,
То ли скалы ветром посекло, —
То портрет мерещится, то складень,
Впрочем, тени всё смешают за день,
Словно копоть пачкает стекло.

Ничего не исчезает в бездну —
Больше слушай дудочку железну, —
Музыка, что мост перекидной,
Кружево — чтоб слышали оттуда,
Ветер не палач — источник чуда, —
Снова извозякался, родной.

Всё — пыльца, источены соцветия,
Что ни время — мор и лихолетье,
Хрупок наст и каменны цветы,
Напевай для них на перевале,
Вспоминай — откуда нынче звали,
Главное — не бойся темноты.

«Всего лишь блики на овалах сфер»

Что остаётся после разговора
От привкуса последнего прости,
Без разочарованья, без укора,
Без девушек, желающих цвести, —

Так бысролётен цвет, да и с плодами
Неладно, кроме яблок Гесперид,
Мы оперируем пожарами и льдами,
И не подозревая — что горит.

Что разговор окончен безвозвратно —
От взгляда и до пальцев ледяных.
Со временем лакуны или пятна
Укроют нас на пажитях иных,

Вкус жимолости или земляники,
Тень радости — ещё договорим,
Цитирую — «не более чем блики»,
Чем то, что замерзаем и горим.

Отцу

Среди вещей, валявшихся в чулане,
Нетрудно встретить старый самокат,
«Снегурочки», потрёпанный плакат
И детские поломанные сани —
Не помню, чьи, но под коляской — мяч! —
Большой такой, воздушный мячик с юга,
Три бабочки, огромный жук-рогач,
Дюймовочка — и снова всё по кругу.
Там лето, море, девочкин загар
И игры на песке и за палаткой,
Похмелие и первый перегар,
И что сказать родителям — загадка.
Но я напутал — мяч был только раз,
А море — чаще, девочка — не сразу,
Где девочка — там надувной матрас,
И «Меотида» — новая турбаза...
А это мамин шарф — я заболел,
И слишком раскалилась батарея —
Он спёкся, но почти что уцелел
И долго после грел больную шею...
Больное горло! — вата, спирт: компресс, —
И горячо, и терпишь до предела,
Ты сам в ручей с корабликом залез,
Теперь терпи — ты пострадал за дело.
Там больше нет родительских вещей —
Я переехал, трижды всё оставил.
Уйдёт отец, и стану я — ничей,
И буду жить, пусть это против правил.

Отец ушёл тому десяток лет,
Сказав, что сердцу больно не от рака, —
Моей беды, которой нынче нет,
Но детство там же, где моя Итака.

Марселю Прусту

...вот так вот, нескончаемо, — одно
Другое тянет, пробует, уносит,
То запах сдобы, то веретено,
То интонация в пропущенном вопросе,
Скамейка с иероглифом «ва-ва»,
Пожухлая осенняя трава,
Бодрящий холод первого мороза,
Смешная грязь на ветровом стекле,
Как будто крылья сверху на ноле,
Простуды незатейливая доза,
Домашний морс, а хочется глинтвейн,
В наушниках то Circus Du Soleil,
То Бейкер, то Бетховен, то рэгтаймы,
И каждый звук протяжен и глубок,
И спутан одиночества клубок,
И прошлое протягивает тайны, —
Бери, не жалко, сколько этой хны! —
Брусники от берёзы до сосны —
Полями, и скоро будет снежно,
Тяни ещё, за перекрёстком — бор,
Там жимолостью морщится забор,
И мох лежит так пышно и небрежно...